

УДК 34

Magna Carta Libertatum в поле российской науки: зарождение традиции изучения

Мягков Г.П.

Доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
Казанского (Приволжского) федерального университета

В текущем году отмечается 800-летие «Великой хартии вольностей» – правового договора, имевшего форму королевского пожалования, подписанного английским королем Иоанном Безземельным 15 июня 1215 г. Борьба, разворачивавшаяся вокруг документа в XIII–XIV вв., но особенно после его «открытия» в начале XVII в. сыграла значительную роль в формировании и развитии институтов неприкосновенности личности, прав человека, юридической защиты этих прав и т.д. В статье анализируется процесс возникновения интереса русских интеллектуалов – историков и юристов – к Великой хартии вольностей. Показано, что развитие его на протяжении большей части XIX в. оказалось связанным с решением задачи – как теоретической, так и практической в политическом плане – выяснения отношений между свободой и властью.

Ключевые слова: Великая хартия вольностей, конституционная история Англии, М.Н. Карамзин, Т.Н. Грановский, Б.Н. Чичерин.

Современная историография относит такой артефакт средневековья как хартии к одному из двух – наряду с монетами – «ярких составляющих того культурного ансамбля, который и способствовал формированию Европы» [1, с. 306]¹. Являвшие собой «официальные письменные дарственные» [1, с. 309], хартии стали в XII–XIII вв. традиционной формой материализации определенных общественных отношений², в том числе «материальными символами власти» [2, с. 168; 1, с. 313]. Уходя корнями в каролингскую эпоху и имея ареалом возникновения территорию империи, они проникают в Восточную

и Северную Европу, бросая вызов устным формам человеческой организации, вводя письменную регистрацию различных соглашений, отражая и выражая «возрождение XII века». Заслуживает быть отмеченным наблюдение П.Р. Хаймса, что «существует ужасающее количество хартий, даже учитывая огромные потери, гораздо большие, чем в случае с какими-либо иными юридическими памятниками» [2, с. 168]³.

Среди хартий особое место занимает английская **Magna Carta Libertatum** (Великая хартия вольностей). Оно определяется не только и не столько тем, что самый знаменитый из английских правовых актов средневековья полагают «одновременно и кульминацией и отправной точкой» английской истории [3, с. 80] или ее «поворотным пунктом», пришедшимся на начало XIII в. Значение этого документа выросло из развернувшегося в Англии с начала XVII в. процесса формирования **особого идеологического феномена**, когда, по словам У. Черчилля,

¹ Р. Бартлер определяет хартии как «официальные письменные дарственные, обычно исполненные на пергаменте и заверенные печатью» [1, с. 309], обладание которыми «давало власть, которая была отделена от физического могущества или от непосредственного владения материальными товарами, имевшими практическую ценность», они служили «воплощение наиболее абстрактного аспекта общественных отношений: права и притязания, намного менее осязаемые, чем трава или говядина, принимали в них осязаемую форму» [1, с. 313].

² «Хартии выступают для историков документальным подтверждением всех видов действий, имеющих правовые последствия, и ряда не имеющих» [2, с. 168].

³ Поясняя этот тезис, П. Хаймс указывает: «Число самых ранних из опубликованных хартий по одному графству (Йоркшир) ... уже достигает четырех тысяч» [2, с. 168].

«парламентская оппозиция, пытавшаяся противостоять поползновениям Стюартов на свободу подданных, отыскала её и сделала своим лозунгом, объединившим страну в борьбе против угнетения» [4, с. 263]. Суть феномена не в том, что Хартию «снова извлекли на свет», а в настойчивых практиках противоборствующих сил превратить историю Хартии в историю её истолкований, преследуя при этом свои политические цели. Включенная в поле конституционной истории Англии, проблема Хартии привлекла внимание профессиональных юристов, историков: в начале XIX в. в Англии возникает научная историография, опирающаяся на анализ первоисточников и дающая систематическое изложение политической истории страны XIII-XIV вв. [см.: 5, с. 3].

Описанный идеологический феномен проявился не только на родине Хартии (что не удивительно), но преодолев национальные границы, захватил и английские колонии, и страны континента. Не стала исключением и Россия. Более того. Здесь сложилась прочная научная традиция, развитие которой оказалось подчиненной как собственно гносеологическим задачам, формированию теоретического багажа юридической науки, так и «обслуживанию» идейно-политических интересов различных политических сил. Таковой уж оказалась «материя» «Хартии свобод англичан»⁴: не став, по сути, никогда действующим законом, она превратилась в своеобразный «ящик Пандоры», из которого в разных политических условиях, на разных этапах истории европейских народов политики, юристы, публицисты, профессиональные историки «доставали» из него аргументы для обоснования своих политических устремлений.

Для решения задачи проследить возникновение интереса российских интеллектуалов к Magna Carta Libertatum, развитие их воззрений на роль и место документа в истории правомерно применить предложенный С.И. Маловичко при изучении взаимодействия научной истории и социально ориентированного историописания метод выделения реперных точек активизации таких взаимодействий [7, с. 80].

Вот и путешествующий по Европе один из основателей и русской литературы, и русской историографии Н.М. Карамзин (1766-1826 гг.) прибывает в Англию (лето 1790 г.), в которой – судя по материалам ставших знаменитыми «Записок русского путешественника» [см.: 8] – вслед за просветителями видит образцовое государство⁵. Истоки его благополучия он связывает с тем, что, «когда все другие европейские народы были еще погружены в мрачное варварство», Англия получила «Магну Харту»: «в

ней король утвердил клятвенно сии права для англичан...» [8, с. 566-567]. Нелишне заметить, русский путешественник не упускает тот факт, что история страны «богата злодеяниями»: «...можно смело сказать, что по числу жителей в Англии более, нежели во всех других землях, погибло людей от внутренних мятежей. Здесь католики умерщвляли реформаторов, реформаторы – католиков, роялисты – республиканцев, республиканцы – роялистов; здесь была не одна французская революция» [8, с. 546]. Исследователь творчества Карамзина Л.Г. Кислягина на основании анализа редакторской работы своего героя показывает, как он под влиянием «беспорядков», порожденных революцией во Франции, изменяет свои теоретические позиции, а равно свои выводы и формулировки. Карамзин переходит от объяснения совершенства английского государственного строя наличием «мудрых законов» к объяснению, суть которого выражена выводом: «...не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум» [10, с. 118, 119].

Интерес к изучению западноевропейского средневековья пробудился в русском обществе одновременно с «проникновением в русскую литературу романтических влияний, т.е. с половины 1810-х гг.» [11, с. 293]. Признаки этого интереса можно обнаружить в творчестве Жуковского, Пушкина, романиста и историка Н. Полевого, в творчестве раннего Гоголя. Но только с того момента, когда возникновение в русской интеллигенции двух направлений – славянофильства и западничества – и борьба между ними сделали проблему развития Запада предметом общественного интереса, «научные занятия западноевропейским средневековьем получили прочную основу, которую одни только университетские кафедры “всеобщей истории”, влачившие в 20-30-х гг. жалкое существование, не в состоянии были дать» [11, с. 293].

Несомненно, что почетная роль в становлении и развитии интереса к изучению средневековой истории стран Запада принадлежит Т.Н. Грановскому (1813-1855 гг.). В своих лекциях, в том числе публичных, читанных в 40-е гг. XIX в. – в 1843-1844 гг. по истории средних веков и в 1845 г., где предметом изложения стала сравнительная история Франции и Англии, – он не мог обойти тему средневековых английских порядков. Специально к теме Великой хартии, судя по сохранившимся записям лекций, он обращался в курсе по «новой истории» 1849/50 учебного года. В лекции, читанной 22 сентября 1849 г., он подчеркивает, что «хартия легла в основу всей английской конституции» [12, с. 28]. И это при том, что, по словам историка, сама хартия «... по своему смыслу бедна определениями; в ней определялись права баронов, духовенства, о крестьянах и городах упомянуто мельком, но главное дело упомянуто, и, таким образом, видно, что составители думали о них» [12, с. 28].

⁴ Следует согласиться с В.Б. Романовской, заметившей, что по нормам современной лексики правильнее перевод «Великая хартия свобод» [6, с. 260].

⁵ О взглядах Н.М. Карамзина на историю Англии, выраженных в «Записках русского путешественника», см.: [9].

Так что же тогда дает право заявлять Т.Н. Грановскому о Великой хартии вольностей как об основе английской конституции? Ответ на этот вопрос лежит не в плоскости изучения самого документа и связан, представляется, с *открытием* Грановским описанного выше феномена превращения истории Хартии в историю её истолкований: «...эта хартия получила великое значение, она перешла в общее сознание, каждая ее статья сделалась народной собственностью, каждый король в течение своего царствования несколько раз подтверждал ее» [12, с. 28]. Можно, утверждать, что слушателям профессора импонировал его вывод о том, что из дополнений в Великую хартию вольностей, которые постоянно производились, «...возросло будущее великое здание английской конституции» [12, с. 28]. Развивая эти мысли в лекции, читанной 31 января 1850 г., Грановский фиксирует насильственный характер происхождения документа: «...исторгнутая мятежными баронами у Иоанна Безземельного», Хартия «положила основание политической свободе Англии» [12, с. 139].

Внимательный исследователь творчества первого русского медиевиста С.А. Асиновская не прошла мимо факта обращения его к Великой хартии вольностей. «В ряде случаев, – подчеркивает историограф, – ссылки Грановского на так называемую “Великую хартию вольностей” служили ему для пропаганды его взглядов, что однако не исключало трезвой оценки этого документа. Грановский сохраняет до конца своей жизни приверженность к конституционным формам правления, сохраняет интерес к истории представительных учреждений» [13, с. 139-140]. Как видим, оценка сама несет отпечаток иной эпохи.

Разумеется, в данном случае не стоит сбрасывать со счета тот факт, что Т.Н. Грановский выступал не только в роли исследователя политической истории Англии в целом и Великой хартии вольностей в частности, а, согласимся с Бузескулом, «миссионером западной науки» [14, с. 47]. И эту миссию он нес сознательно, что почувствовали и современники, и исследователи его творчества. В.И. Герье в работе, посвященной 100-летию своего учителя и наставника, вспоминал следующие его слова: «Обвиняют меня, что я пристрастен к Западу; я взялся читать часть его истории; я это делаю с любовью и не вижу, почему мне должно бы читать её с ненавистью. Запад кровавым потом выработал свою историю, плод ее нам достается почти даром, какое же право не любить ее? Если бы я взялся читать нашу историю, я уверен, и в нее принес бы ту же любовь» [15, с. 30].

Итак, с именем Т.Н. Грановского можно связать начало публичного обсуждения роли и места Великой хартии вольностей в истории. Это совпало с возникновением в России таких отраслей историографии как всеобщая история, «всеобщая история права» [16, с. 64-77], а равно с процессами размеже-

вания идейно-политических течений. Обращения к документу становились своеобразными маркерами общественных и политических позиций.

Первой реперной точкой наступившей *пореформенной эпохи* можно избрать отношение к исследуемой проблеме Б.Н. Чичерина (1828-1904 гг.). Он своим творчеством наложил неизгладимую печать на научную и идейно-политическую жизнь России. Событием стала публикация в 1866 г. Б.Н. Чичериным книги «О народном представительстве», которая была защищена им в качестве докторской диссертации. Это исследование серьезно обогатило политическую и историческую науку, а его идеи составили основу учения Б.Н. Чичерина.

Говоря о Великой хартии вольностей, Чичерин характеризует ее как документ, который «содержит в себе подтверждение всех тех прав, которыми пользовались свободные люди того времени, и которые лежали в основании средневекового порядка. Она простирается на все свободные сословия, на феодальных владельцев, высших и низших, на горожан и вообще на свободных людей; только духовенство получило отдельную грамоту. Главное значение Великой Хартии состоит именно в том, что она имеет характер не сословный, а общий; она содержит в себе постановления не для одних баронов, а для всех, ибо все равно страдали от королевского произвола и соединились для совокупного отпора» [17, с. 230].

Особенность чичеринской позиции состояла в том, что если его оппоненты стремились усмотреть в Великой хартии вольностей и в дальнейшем развитии политических свобод в Англии *некий символ/прообраз всех будущих преобразований*, которые они хотели бы видеть в России, пытались, как бы «перекладывая» историю английского государства на современную почву, примерить ее для России, то Чичерин, напротив, говорит о том, что «английская конституция носит на себе характер совершенно исторический, исключаяющий возможного подражания» [17, с. 226]. «Существенные основы конституционного быта Англии, – продолжает свою мысль Б.Н. Чичерин, – выработались из истории, совершенно своеобразным путем. Отсутствие настоящих демократических элементов, слабость королевской власти, высокое значение аристократии и союз ее со средними классами, все это – явления, которые составляют исключительную принадлежность Англии и не могут быть перенесены на другую почву. Поэтому английская конституция остается неподражаемой. От нее можно заимствовать некоторые уроки конституционной жизни, ибо здесь на опыте выработались практические приемы и условия этого порядка, но самые ее основы, то, что дает ей непоколебимую твердость, не может быть произвольно усвоено другими народами» [17, с. 266]. В трезвости оценки, ее осмысленности и четкости Чичерину не откажешь.

Обращаясь к содержанию Великой хартии вольностей, Чичерин усматривает в идее «общего совета королевства», без согласия которого «никакая подать сверх обычных пособий не может быть взимаема с вассалов», «первые зачатки парламента», а в списке тех, кого должен приглашать король – «поименно архиепископов, епископов, аббатов, графов и великих баронов; остальных же непосредственно вассалов созывать общим предписанием к правителям графств» – «первый шаг к разделению его на две палаты» [17, с. 231].

Далее, рассуждая о хартии, он подчеркивает значение таких «важнейших постановлений», как статья о личной свободе и гарантии правильного суда (39-я статья Великой хартии вольностей), которой личная свобода каждого англичанина ставится под защиту закона: «Этими постановлениями определялись права свободных людей, но против беспрерывных насилий нужна была более действенная гарантия, необходимо было учреждение, которое полагало бы преграду нарушениям закона. Оно было установлено в духе средних веков, представлявших борьбу враждебных друг другу сил. Двадцать пять баронов, в том числе мэр города Лондона, объявлены были хранителями великой Хартии» [17, с. 231]. Однако для ограждения свободы в Англии недостаточно было одной только хартии. Все многочисленные ее подтверждения, по словам Чичерина, служили «только средством сохранить в обществе сознание права... Настоящее обеспечение мог доставить один парламент» [17, с. 231].

Можно проследить следующую цепочку в рассуждениях Чичерина. Он несомненно высоко ценит значение Великой хартии вольностей как документа, подтверждающего все те права, которыми пользовались свободные люди того времени; в том числе он относит сюда и такие важные постановления, как личная свобода и гарантии правильного суда. Однако Чичерин далек от идеализации документа, не говорит о нем как о некоем «краеугольном камне всей английской конституции». Напротив, он настаивает на том, что для ограждения свободы англичан и для соблюдения всех других прав того времени, прописанных в этом документе, одной только Великой хартии было недостаточно. Чичерин заявляет о том, что настоящее обеспечение всех тех прав и вольностей, которые были указаны в хартии, мог доставить только парламент. И именно с появлением парламента, а вместе с ним политической системы под названием «конституционная монархия» Чичерин связывает охрану прав и свобод англичан.

Изучение Великой хартии вольностей в последней трети XIX в., то есть непосредственно в период достижения зрелости российской исторической и политико-юридической мыслью оказалось связанным с решением задач постановки университетского преподавания. При отсутствии монографических ис-

следований, признанных трудов каждый профессор, разрабатывавший и читавший курс средневековой истории, должен был решать проблему интерпретации документа, опираясь на английские издания текста и труды зарубежных коллег (прежде всего Р. Гнейста, Э. Фримэна, А.В. Дайси). Но здесь нельзя не увидеть различия результатов, к которым приходят историки, принадлежащие к разным поколениям, а в известной степени и к профессуре «периферийных» или «столичных» университетах. Разумеется, решающие факторы лежали в теоретико-методологической и предметной областях. В числе первых можно назвать профессоров М.Н. Петрова (1826-1887 гг.) в Харьковском, Н.А. Осокина (1843-1895 гг.) в Казанском, Ф.Я. Фортинского (1846-1902 гг.) в Киевском университетах, в числе вторых – группу ученых известной «русской исторической школы», представляемой старшим (М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев) и младшим (Д.М. Петрушевский, Р.Ю. Виппер и др.) поколениями.

Итак, о первых. Харьковский профессор дает краткую, без особых комментариев характеристику Великой хартии вольностей, выдержанную в либеральном духе и вытекавшую из идеи противопоставления путей развития континентальной Франции и островной Англии после крестовых походов. Суть ее выражена в тезисе: «Соединившись в нем (восстании – Г.М.) бароны и города в 1215 г. вынудили у Иоана великую льготную грамоту..., по которой произвол королевской власти ограничен тем, что всякие новые подати могли быть отныне налагаемы не иначе, как с согласия плательщиков, и тем еще, что каждый англичанин мог быть теперь арестован только по судебному приговору и судим не иначе, как своими пэрами, т.е. людьми своего же сословия. Акт этот имеет весьма важное значение в государственной истории Англии, так как он сделался краеугольным камнем ее позднейшей общественной свободы. Оттого первые Плантагенеты много раз пытались его уничтожить, но нация дружно его отстаивала» [18, с. 203]. Свет на стиль М.Н. Петрова проливает реплика его ученика и биографа В.П. Бузескула, писавшего: «он не столько излагает факты, сколько отмечает их смысл и связь, их причины и следствия, стараясь представить “механизм исторического движения”» [14, с. 125].

Н.А. Осокин во втором томе печально известных «Университетских чтений» по истории средних веков допускает при изложении истории Великой Хартии явные неточности и даже ошибки, ставшие основанием для критики [см.: 14, с. 120]. Так, он полагает, что «хартия отняла у короля право законодательной власти, его распоряжение без согласия парламента уже не могут иметь силу закона» [19, с. 450]; основным выводом стало утверждение, что «король хотел устранить угрожавшую ему опасность со стороны баронов и горожан и не заботился

о приведении в исполнение дарованной им конституции, но единодушные сословий и умение баронов... спасло хартию от уничтожения и свободу англичан от лукавых замыслов короля» [19, с. 451-452].

Казус с названными учеными свидетельствует о том, что даже решить учебные задачи без выработки самостоятельной научной позиции представляется проблематичным, особенно в условиях отсутствия соответствующего «фона». В свете этого становится понятным и объяснимым тот факт, когда организовавший «в весеннее полугодие 1887 года» «исторический семинарий» по изучению Великой хартии вольностей профессор Ф.Я. Фортинский предложил одному из участников семинария, студенту Ясинскому⁶, «проследить за изменениями, какие претерпевала в XIII веке изучаемая... Великая Хартия, указывая при этом, что такая работа будет дополнением и продолжением наших совместных (учителя и ученика – Г.М.) занятий». Результатом стали первый перевод памятника на русский язык с комментариями и специальное исследование «История Великой хартии вольностей в XIII столетии», опубликованные в «Университетских известиях» [20; 21].

Таким образом, говоря об интересе русских интеллектуалов, главным образом либеральных историков и юристов к Великой хартии вольностей во второй половине XIX в., необходимо отметить, что он оказывался связанным с решением задачи – как теоретической, так и практической в политическом плане – выяснения отношений между свободой и властью. Несомненно, что названные ученые придали известное значение изучению Великой хартии вольностей. Будучи либеральными идеологами, многие из них смотрели на Англию, как на страну с идеальным государственным устройством и, вероятно, желали иметь конституционный строй и в России. Поэтому Великая хартия вольностей понималась как исходный пункт, как «основа всех дальнейших завоеванных политических прав и свобод», на ней «было построено все здание английской конституции». На этих тезисах базировалось и преподавание, в котором набирала силу тенденция рассмотрения Великой хартии вольностей как документа, имевшего «в высшей степени важное значение в истории Англии, так как ею было положено начало развития английской политической свободы» [22, с. 129]. Этот мотив пронизывал так называемые «профессорские» учебники, появление которых отражало уже начало нового этапа в изучении политической истории средневековой Англии вообще и Великой хартии вольностей в частности, связанный с деятельностью, как уже отмечалось, историков «русской исторической школы». Изуче-

ние их вклада в означенную тему – задача иного исследования.

Итогом же первого этапа стала актуализация темы Великой хартии вольностей как в научном, так и идейно-политическом дискурсах. Избирая для своих исследований, лекционных курсов и популярных работ узловые моменты средневековой истории Западной Европы, к которым несомненно относилась история Великой хартии вольностей, российские ученые, занимавшие либеральные позиции, видели свою задачу – здесь нельзя не согласиться с выводом Б.Г. Могильницкого – «в историческом обосновании необходимости совершения буржуазных преобразований в России мирным путем на основе планомерного органического сотрудничества государства и общества» [23, с. 51]. Надо учитывать, что определились те, кто практически призывал к «перенесению» английских порядков в Россию, и другие, кто остерегал от тотального копирования английских конституционных порядков на российскую почву. Б.Н. Чичерин, напомним, отмечал, что «сравнение с другими необходимо для разумного самопознания, для уяснения себе своих собственных особенностей» [24, с. VII].

Литература:

1. Бартлет Р. Становление Европы: Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. 950-1350 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 432 с.
2. Хайамс П.Р. Замечания о хартии как источнике по истории раннего английского общего права // История права: Англия и Россия. – М.: Прогресс, 1990. – С. 168-186.
3. Мортон А.Л. История Англии. – М.: Изд-во Иностранной лит-ры, 1950. – 462 с.
4. Черчилль У.С. Рождение Британии. – Смоленск: Русич, 2003. – 512 с.
5. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 580 с.
6. Романовская В.Б. Magna Carta Libertatum в контексте современной проблемы прав личности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 5. – С. 258-261.
7. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. – Орехово-Зуево: Изд-во МГО-ГИ, 2013. – 252 с.

⁶ Ясинский Антон Никитич (1864-1933 гг.), выпускник Киевского университета (1888 г.), известный русский историк-медиевист, в последующем профессор Юрьевского, Московского, Белорусского университетов.

8. Карамзин Н.М. Записки русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч.: в 2-х т. Т. 1. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – 786 с.
9. Соколов А.Б., Осипов А. С. История Англии в оценках Н.М. Карамзина // Ярославский педагогический вестник – 2011. – № 2 – Т. 1 (Гуманитарные науки). – URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2011_2g/16.pdf
10. Кислягина Л.Г. Формирование общественно-политических взглядов Н.М. Карамзина. (1785–1803 гг.). – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 200 с.
11. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1940. – 376 с.
12. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. – М.: Наука, 1987. – 432 с.
13. Асиновская С.А. Из истории передовых идей в русской медиевистике (Т.Н. Грановский). – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 168 с.
14. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Ч. 1. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929. – 218 с.
15. Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский. – М.: печатня А.И. Снегиревой, 1914. – 74 с.
16. Емельянова И.А. «Всеобщая история права» в русском дореволюционном правоведении (XIX в.). Часть первая. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. – 160 с.
17. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М.: Типография Грачева и Комп., 1866. – 554 с.
18. Петров М.Н. Лекции по всемирной истории. Т. 2. История средних веков. – Харьков, 1888. – 296 с.
19. Осокин Н.А. История средних веков. Т. 2. Университетские чтения профессора Осокина. – Казань: литография Данилова, 1886. – 752 с.
20. История Великой Хартии в XIII столетии (перев. А. Ясинский) // Киевские университетские известия. – 1888. – № 7. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Engl/XIII/1200-1220/Magna_charta1215/text41.htm
21. Ясинский А. История Великой Хартии в XIII столетии // Киевские университетские известия. – 1888. – № 8. – С. 35-62.
22. Кареев Н.И. Учебная книга истории средних веков. Изд. 6-е. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1907. – 236 с.
23. Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. – Томск: Изд-во Томского университета, 1969. – 410 с.
24. Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. – М.: Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина, 1858. – 340 с.

Magna Carta Libertatum in the Framework of Russian Science: Origins of Research Traditions

G.P. Myagkov
Kazan (Volga Region) Federal University

This year we celebrate 800th anniversary of Magna Carta, which is a legal agreement in the form of royal charter signed on the 15th June 1215 by English king John Lackland. The fight around the document in 13th–14th and, especially, in 17th century after its discovery, played a significant role in development of such legal institutions as inviolability of a person, human rights, legal protection of these rights, etc. The paper deals with the formation of interest of Russian intellectuals, namely historians and lawyers, in Magna Carta. It is demonstrated that development of this interest throughout the 19th century is connected with their attempts to solve theoretical and practical task of revealing the relations between freedom and authority.

Key words: Magna Carta, constitutional history of England, M.N. Karamzin, T.N. Granovsky, B.N. Chicherin.

